

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации И.А. Панкова «Культ Йусуфа Хамадани в центральноазиатском исламе как социокультурный феномен», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – «Этнография, этнология, антропология».

В рецензируемой диссертации анализируется почитание *авлия' Аллах* на примере культа Йусуфа Хамадани в Хорезме. С одной стороны, эта работа продолжает отечественную традицию изучения «культа святых» в исламе, с другой – ее автор предлагает новые исследовательские ракурсы, опираясь на концепции современных зарубежных исследователей. Трансформации, происходящие с мусульманскими религиозными практиками в постсоветской Центральной Азии, в особенности вернакулярными, изучены, на наш взгляд, недостаточно – во многом потому, что регион колоссальный, а эти типы практик могут различаться даже от мазара к мазару, не говоря уже о более серьезных дистанциях. В силу этого актуальность темы диссертации не вызывает сомнений.

Основой диссертационной работы стали собственные полевые исследования автора, проводившиеся в нескольких регионах Центральной Азии в течение последних пяти лет. То, что «поле» И.А. Панкова состоит из нескольких локальных «полей», очень важно – это дает возможность увидеть контекст хорезмийского культа Йусуфа Хамадани, рассмотреть наблюдаемые ситуации не только в синтагматическом, но и в парадигматическом ракурсе, и, соответственно, позволит лучше понимать происходящие в современном культе *авлия' Аллах* процессы.

Новаторским оказывается стремление автора рассмотреть почитание *вали* на Улли-тир как социокультурный феномен в возможном многообразии контекстов – социальных связей, властных отношений, религиозных верований и практик. В ходе полевой работы И.А. Панкову удалось найти доступ к этим контекстам, получив сведения о них от агентов культа (духовных лидеров, сотрудников мазара и рядовых участников). Методы полевой работы (включенное наблюдение,

глубинное интервью, генеалогический и биографический методы) адекватны целям и задачам исследования.

Концептуальные рамки, применяемые автором при анализе полевых материалов также кажутся вполне уместными: оправдавший себя десятилетиями практики подход британской антропологической школы, настроенный на поиск структурных закономерностей и социальных функций, сочетается в диссертации с методикой «понимающего чтения» (К. Гирц), позволяющей увидеть практики на мазаре «внутренним зрением», а также с концепцией социального пространства (П. Бурдьё), дающей возможность увидеть, как эти практики (вос)производятся. Думается, что в данном исследовании был бы полезен также акторно-сетевой анализ (Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон), который позволил бы рассмотреть пространство мазара и вокруг него как своего рода лабораторию, включающую на правах равноправных агентов не только людей, но и других акторов (*вали*, *джиннов*, предметы и локусы, наделенные особым значением, а также связывающие их «силы» и другие понятия, лишённые референтов и потому недоступные для анализа при позитивистских подходах).

Особо хочется отметить тщательность и скрупулезность диссертанта при использовании терминов и в целом при обращении с материалом. Для работы характерно удачное сочетание эмного и этного подходов: искренний интерес автора к изучаемому региону, местным жителям и их судьбам, совмещается в ней с продуманностью концептуальных рамок, которые в результате не становятся «прокрустовым ложем» (как это нередко бывает в научных работах), но дают возможность учитывать нюансы «локального знания» (говоря словами Клиффорда Гирца). Но здесь же возникает вопрос к методике интерпретации полевых материалов. Автор пишет, что во второй главе работы такая интерпретация основана «на собственном чувственном восприятии реальности семантического поля данного феномена» (Автореферат, с. 8). Такой подход, безусловно, возможен, более того, характерен для современных антропологических работ, подчеркивающих принципиальней для данной дисциплины субъективизм и невозможность прямой верификации. Однако в таком случае читателю должны быть понятны позиции и установки автора, обуславливающие его субъективное восприятие.

В заключение отметим, что исследование И.А. Панкова представляет несомненный интерес не только для этнологов и антропологов, но и для специалистов, работающих в других областях гуманитарного знания – востоковедов, социологов, религиоведов. Высказанные замечания являются не претензией к диссертации (цельному и законченному тексту), а пожеланиями к дальнейшей работе.

Диссертация может быть квалифицирована как оригинальное исследование, имеющее высокую научную значимость и соответствующее требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по гуманитарным наукам, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – «Этнография, этнология, антропология».

ведущий научный сотрудник

Школы актуальных гуманитарных исследований

Российской Академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте РФ

доктор филологических наук

О.Б. Христофорова

